

АНДРЕЙ ШАРЫЙ

Из книги “Богемское время”

Два очерка

Новая книга Андрея Шарого, из которой взяты эти очерки, посвящена стране, в которой он прожил почти четверть века и которую за это время самым добросовестным образом изучил. Чехия находится в центре Европы, на границах славянского и германского миров, и это обстоятельство во многом определило ее бурную и богатую историю. Книга “Богемское время” рассказывает о том, как складывалась и как устроена Чехия. Одновременно “Богемское время” — это и частная история автора, рассказ о поиске ориентации в чужой среде, личный опыт проникновения в чешское общество. Это попытка понять, откуда берут истоки чешское свободолюбие и приверженность идеалам гражданского общества, как в Чехии формировались традиции неформальной культуры, неподцензурного искусства, своеобразного чувства юмора.

Чуть просторнее Калмыкии

Прага – Pražský hrad

О моей нации в “большом мире” ничего не известно, поскольку все, что ее касается, тривиально, неинтересно, — а быть может, только кажется таковым.

Ян Паточка
Кто такие чехи?

Над Пражским Градом не слышно торжественного боя часов, потому что куранты на башнях не установлены, нет у главной чешской крепости традиции ежечасного “бом-бом”. Вот переключку колоколов разных пражских храмов желающие могут послушать (скажем, с холма Петршин), это для города дело обычное, но в Граде с частым звоном стрóжатся. Самая глав-

ная чешская колокольня расположена в южной башне кафедрального собора Святых Вита, Вацлава и Войтеха, с ежедневным “Ангелом Господним” тут не мельчат — звонят не больше десятка раз в году, по большим праздникам, да еще по особенным, иногда трагическим поводам, вроде похорон в 2011 году президента и гражданина Вацлава Гавела. Так что каждый раз, считайте, это — спецпредставление. На третьем уровне 96-метровой башни, увенчанной зеленой четырехугольной шапкой, подвешены почти все имеющиеся на вооружении собора инструменты духовного оркестра: пять из шести колоколов носят имена важных святых, еще один зовется *Dominik*, поскольку звонят в него, если выпадает такое счастье, исключительно по воскресеньям. Чехи, получившие в наследство от истории неимоверное множество великолепных храмов, не очень-то богомольны: католиками числят себя лишь десять процентов населения 10-миллионной страны, а количество православных, гуситов, лютеран и вовсе невелико.

Седьмой и главный соборный колокол, Зикмунд (весом в 15 тонн, самый большой в Чехии), размещен этажом ниже, ему и достается основная работа. Европейская традиция такова, что звонари раскачивают не столько язык (по-чешски он называется *srdce*, “сердце”), сколько купол, поэтому особенно больших колоколов в неправославных странах не отливают. Зато, в отличие от 202-тонного кремлевского Царьколокола, Зикмунд за четыре с половиной века дежурства не треснул и не раскололся. Управляются с ним разом шесть человек, добровольцы из общества “Пражские звонари святого Вита”. У Зикмунда, можете сами послушать на *YouTube*, довольно высокий медно-оловянный голос, 80 процентов меди на 20 процентов олова. Уровень звукового давления при работе колокола достигает 120 децибелов, с такой силой грохочут пескоструйный аппарат и отбойный молоток.

Забавно наблюдать, как опытные звонари, качающие язык, выскакивают из-под купола, едва убедившись в том, что вот вот бумкнет, — иначе оглохнешь. Зикмунда спродюсировал и отлил известный в Богемии металлических дел мастер Томаш Ярош из Брна, украсивший корону и талию колокола разными медальонами и надписями на латыни и чешском. При всей замысловатости смысл их сводится к одному, главному, слогану: “Голос мой — голос жизни — зову вас — собируйтесь к мессе”. Легенда рассказывает, что любая неприятность с главным колоколом страны грозит бедой и самой Чехии, и это не сказка, а быль: стоило в 2002 году вывалиться языку-сердцу Зикмунда, как Прагу постигло небывалой силы наводнение, которое и я прекрасно помню. Уровень Влтавы тогда поднялся почти на

восемь метров, затопило полгорода, даже в зоопарке утонули или захлебнулись 134 несчастных животных. Жизни ни в коем случае нельзя терять свой голос.

[218]

ИЛ 12/2019

Башню собора Святого Вита строили долго-предолго, поэтому до пояса она получилась готической, а после 55-го метра — барочной. Выше всех колоколов, под шпилем, на верхушке которого флюгером вертится позолоченный двухвостый лев с крестом в лапах, расположен часовой механизм. Чтобы добраться к нему от капеллы Гроба Господня (туда были в 1436 году перезахоронены останки епископа Збынека Зайица из Газмбурка, прозванного за пугающую для священника необразованность “Алфавитом”), приходится пересчитать почти три сотни ступеней. Эти часы, по остроумному замечанию одного современного пражского летописца — хай-тек эпохи императора Рудольфа II Габсбурга, артефакт начала XVII века: стрелки на верхних циферблатах движутся с обычной скоростью, а на нижних оборачиваются непривычно проворно, за пятнадцать минут.

Наблюдения за часами Большой башни с их двойным способом времяисчисления, быстрым и медленным, заставили меня покопаться в интернете, чтобы восстановить в памяти кое-что давным-давно прочитанное. Вот, нашел: древние греки использовали целых два понятия для обозначения времени — “хронос” и “кайрос”. Кайросом они называли бога счастливого мгновения, повелителя неуловимого мига удачи, — того мига, что всегда наступает неожиданно. Хронос — бог, породивший помимо трех стихий еще и собственно Время; характеристики хроноса имеют не качественный, а количественный характер, касаются не взрывного, но последовательного движения из прошлого в будущее. Хронос, получается, время “старое”, а кайрос — “новое”, юное и возобновляющееся. А какое оно, чешское время?

Исходя из своего понимания исторической философии, Томаш Гарриг Масарик¹, “создатель Чехословакии” и ее первый президент на протяжении семнадцати межвоенных лет, провозгласил чешский вопрос вопросом всемирным, а возникновение национального государства промыслом Божиим. Резиденцию главы государства Масарик обустроил в Граде, откуда как на ладони открывается и пражская, и политиче-

1. Томаш Масарик (1850–1937) был последовательным сторонником женской эмансипации, как сказали бы сейчас — гендерного равенства. В 1878 г. он женился на дочери богатого американского предпринимателя Шарлотте Гарриг и добавил к своему имени фамилию супруги, причем поставил ее впереди своей собственной. В Чехословакии полное имя Масарика в обиходе сокращали до аббревиатуры ТГМ.

ская, а часто и международная перспектива. В 1920 году над крышей Тронного зала поднят — и развевается поныне, если глава государства находится на территории своей республики, — президентский штандарт с лозунгом *Pravda vítězí*, “Правда побеждает”.

Этот лозунг выдвинул шесть веков назад проповедник Ян Гус, выдвинул скорее в духовном, чем в политическом контексте. *Super omnia vincit veritas*, “Правда побеждает над всем”, сообщил этот церковный реформатор в 1413 году в послании к одному из своих соратников. Вскоре Гус, оказавшийся под папским замком в немецком городе Констанце, где Римско-католическая церковь проводила важный собор, развил философию в зашифрованном письме товарищам: “Стойте в своем понимании правды, которая побеждает над всем и сила которой на века”. Гус не отрекся от своих убеждений, но его правда тогда не победила, а проиграла, несчастного сожгли на костре, пепел вытряхнули в Рейн. Тарас Шевченко написал о Яне Гусе яростную поэму “Еретик”, на месте гибели Яна Гуса в Констанце поместили огромный мемориальный бульжник, но папский престол Яна Гуса до сих пор не реабилитировал. Он — безусловный моральный авторитет чешской нации, из самых первых. Памятники Гусу расставлены по всей стране; самый внушительный торжественно открыли на пражской Староместской площади ровно через пятьсот лет после той роковой минуты, в которую безжалостный палач во имя “спасения и очищения души заблудшего” разжег хворост под босыми пятками привязанного к столбу вероотступника. На цоколе пражского монумента выбито другое, не красноречивое, воззвание чешского праведника: “Любите друг друга, и правды достанет каждому”.

На том же соборе в Констанце отдельно осудили — как еретическую — практику сочувствовавших Гусу священников, которые осмелились допускать после причастия к чаше с кровью Христовой мирян, а не только духовных лиц. Чаша и стала знаком обновления и требования церковных реформ, символом гуситского движения и гуситской революции, а потом и своего рода чешским культурным кодом верности принципам национальной свободы. Кроваво-красная (вариант: золотая) чаша красовалась на гуситских флагах, над дверями храмов гуситской церкви, а в пору Первой республики, провозгласившей безусловной преемственность нового государства принципу *super omnia vincit veritas*, превратилась в популярный элемент городского пейзажа, в украшение барельефов, в надстройки на башенках над крышами домов, в виньетку для туристов. В главе про пражский район Жижков

я предприму попытку пересчитать тамошние гуситские чаши, рискуя сбиться со счета.

Апелляция к фигуре такого, как Ян Гус, масштаба при восстановлении государственности неминуемо помещает идеологию молодой страны в тесные морально-этические рамки. Масарик и его последователи в 1910-е годы рассматривали возникновение Чехословакии как торжество идеи гуманности в глобальном разрезе¹, хотя рядовые граждане, судя по воспоминаниям современников эпохи, воспринимали случившееся прежде всего как “избавление народа от трехсотлетнего германского рабства”. Словаки, в свою очередь сбросившие с решающей помощью чехов и стран Антанты “тысячелетнее господство венгров”, в новую страну вошли на положении младших партнеров, чтобы вскоре обнаружить: братский союз двух вроде бы близких народов не всегда и не во всем преотличная вещь. Но изречение о всепобеждающей вневременной правде на штандарте президента Чехии ничуть не полиняло от времени, оно и теперь лишает актуальную политику ее стопроцентного прагматизма.

Высокому гуситскому закону удастся следовать не всегда, но современное чешское общество, креативный класс которого склонен к всяким остроумным озорствам, подчас чутко реагирует на попытки девиаций. Осенью 2015 года наряженные в костюмы трубочистов участники пражской арт-группы *Ztohoven* вывесили над Градом на древке парадного штандарта огромные красные трусы, — в знак протеста против “аморальности и бесстыдства” политики президента Чешской Республики Милоша Земана, сдвигавшего страну, как считают многие его сограждане, с магистрального европейского пути. Отважным актуальным художникам грозило по “двушечке”, однако суд освободил их от ответственности, сославшись на то, что материальная выгода из хулиганских действий извлечена не была. Потом Земан отомстил: публично сжег эти пролетарского цвета трусы на костре, разведенном в саду Лумбе, где вообще-то выращивают овощи и фрукты для президентского стола. Президент Чехии проживает в этом чудесном саду, в особняке, давным-давно построенном для собственных надобностей пражским хирургом Карлом Лумбе.

Шутки шутками, но в столкновении или взаимодействии явлений карнавальная культура с идеями о ниспосланном свыше (в том числе Яном Гусом) происхождении небольшого государ-

1. На эту тему в книге “Проект ‘Чехословакия’. Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938)” интересно теоретизирует российский историк Александр Бобраков-Тимошкин.

ства в самом центре Европы кроется еще одна парадигма чешского, не побоюсь этого выражения, интеллектуального дискурса. Главный пражский философ XX столетия, один из лидеров антикоммунистического диссидентского движения Ян Паточка в сборнике писем “Кто такие чехи?” выстроил концепцию национальной истории вокруг рубежных событий 1620 года, трагической даты потери независимости, восстановленной потом лишь через три столетия — и да, во многом благодаря Томашу Гарригу Масарику. До злосчастной, довольно глупо проигранной “чешскими сословиями” (в современном понимании, читай, “патриотами”) битвы на Белой горе, после которой Богемия досталась Габсбургам, ее проблемы по большей части были идентичны проблемам Европы, считал Паточка, “и таким образом в Чехии... решались, по крайней мере отчасти, всемирные задачи”. Этот почти что хтонический период философ назвал “большой историей чехов”, которую под гнетом иноземцев сменила “история малая” — время “потери величия и отрыва от решения крупных задач”. XX век, по логике Паточки, если и не вернул Чехию в самый центр международной жизни, то предоставил вспомнившей о своей гордости нации возможность после длительного отсутствия туда, к этому центру, стремиться. Что бы написать новую главу своей большой истории.

Политический класс воспользовался такой возможностью, но плоды оказались, не чета яблокам из сада Лумбе, горько-сладкими. Роковой для чешского массового сознания в минувшем столетии оказалась цифра “8”. Об этой странной цикличности написано бесчисленное количество всего, от политологического до нумерологического. Судите сами: в 1918 году возникла Чехословакия, в 1938 году так называемая Первая республика подчинилась Адольфу Гитлеру, в 1948-м произошел коммунистический переворот, в 1968-м бурно расцвела реформаторская “пражская весна”, за которой тут же последовало вторжение в страну армий стран Организации Варшавского договора во главе с советской. “Бархатная революция”, покончившая в 1989-м с чехословацким изводом социализма, опоздала к “восьмерке” всего лишь на год. Линия прошлого выглядит волнисто, не зря цифра “8” похожа на поставленную на попа ленту Мёбиуса: за очарованием непременно следовало разочарование, время общественно-политических надежд неизменно сменялось периодом отчаяния; баланс всякий раз сводился безусловному.

Перефразировать чешскую парадигму можно и следующим образом, с вопросительным знаком: по каким же часам сверяют здесь историческое время — по кремлевским, “по самым правильным на всей Земле” курантам, или оглядываясь на Биг-Бен, или на берлинское “Мировое время”, или на венецианскую баш-

ню Святого Марка, или на что-то там в США, вроде ратуши в Миннеаполисе? Или, как и вся Европа, буднично и технологично подводят стрелки по Гринвичу? Со времен седой старины чешские земли вращались в орбите германского влияния; в новейшей истории вопрос цивилизационного развития был сформулирован как знакомая едва ли не всем славянским народам дилемма “с русскими или с прусскими?”. В минувшем столетии эта дилемма неизменно разрешалась через тяжелейшие кровавые кризисы, пока, наконец, к концу века европейский выбор не был (как кажется сейчас) сделан окончательно и бесповоротно.

О его закономерности красиво и печально, с патетической яростью писал Милан Кундера в своей работе 1984 года “Трагедия Центральной Европы”: “Чехам нравилось по-детски размахивать ‘славянской идеологией’, считая ее защитой от германской агрессии... ‘Русские называют все русское славянским, чтобы потом назвать все славянское русским’, — предупреждал в 1844 году соотечественников об опасности невежественного восхищения Россией чешский писатель Карел Гавличек. На эти слова не обратили внимания, так как чехи прежде никогда напрямую не соприкасались с русскими. Несмотря на языковую общность, чехи и русские никогда не были частью одного мира, одной истории, одной культуры”. Ту же мысль Кундера развивает в пространном очерке “Занавес”, *Le rideau* (оба текста написаны на французском): “...если и существует лингвистическое единство славянских наций, то нет никакой славянской культуры, никакого славянского мира. История чехов... в чистом виде западная: готика, Возрождение, барокко; тесный контакт с германским миром; борьба католицизма против реформации”. Кундера вспоминает, как удивило его предисловие к одному своему роману, написанное западным славистом, который сравнил чешского писателя с Достоевским, Гоголем, Буниным, Пастернаком, Мандельштамом и советскими диссидентами: “Испуганный, я запретил публикацию. Не то чтобы я чувствовал антипатию к этим великим русским, напротив, я всеми ими восхищался, но в их обществе я становился другим”.

В этом контексте становятся объяснимыми причины некоторого внутреннего отторжения всего “чешского” от “русского”. Русские, как нам известно, считают чехов “младшими братьями”, а те и не подумывали о таком родстве, они о нем не мечтали и его никогда, за исключением, быть может, кратких исторических эпизодов, не хотели. Для русских, с их имперским типом мировосприятия, впитывающим в себя и Сибирь, и Аляску, и Кавказ, и Центральную Азию, и Украину, и Прибалтику, вообще характерно небрежение мелкими деталями чужой культуры, мы не склонны присматриваться к подробностям. Чехи чувствуют снисходительное к себе отноше-

ние: в их языке, как в древнегреческом для определения времени, существует два термина для русских — *rusové* и *rusáci*. Первое этническое, а второе (чтобы долго не описывать оттенки значения) сопоставимо по значению и коннотации со словечком “москаль” в украинском.

Прочитую теперь короткое эссе Петра Вайля, в котором он рефлексировал по поводу теории Паточки: “Как Москва вечно топчется на перекрестке европейской и азиатской дорог, так и Прага не знает, какой путь выбрать, так называемый малочешский или великочешский. Первый — чреватая изоляционизмом концепция охраны интересов и традиций малого европейского народа. Вторая — идеология открытости миру, при реализации которой узко понимаемые национальные интересы жертвуют в пользу общеевропейского, скажем так, дела”. Петя Вайль, не говоривший толком по-чешски, но тонко понимавший страну и ее жителей, написал этот текст летом 2002 года. В перерывах между редактурой статей и подготовкой радиопрограмм мы с Петей частенько теоретизировали в нашем общем пражском кабинете сотрудников радио “Свобода” на темы истории и современности. Рассуждали, в частности, о судьбе малых наций, с трудом пробивающих себе историческую дорогу сквозь тернии империй, о своеобразной манере чешского исторического сопротивления превосходящей чужой силе: не всенародным восстанием с глубиной, а массовым пассивным неповиновением, если не сказать — напускным пофигизмом.

В одной из своих книг американский славист Джеймс Биллингтон описал как цельное явление, одной антитезой, русскую культуру. Эта антитеза, применительно к отечественной истории, кажется мне исключительно удачной: “икона и топор”. Герой фильма Михаила Идова “Юморист” охарактеризовал нашу национальную парадигму так: “водка и космос”, очевидно, имея в виду два способа побега из советской и российской реальностей. Поиграем в Биллингтона: существует ли похожая точная максима для чешской истории и чешской культуры? Быть может, гуситская чаша, наполненная пльзеньским пивом? Или портрет Вацлава Гавела в полевом кепи Йозефа Швейка?

Разная скорость течения чешского времени и разная частота биения чешского пульса заметны и в повседневности. Чехи не боятся упреков в провинциализме, они часто живут в высшей степени практично, если не сказать скаречно, любят и умеют экономить, редко потратят на излишества и геллер, как называют здесь уже вышедшую из наличного обращения грошовую монетку вроде копейки. Вступив в 2006 году в Европейский союз, Чехия до сих пор не спешит отказываться от кроны в пользу евро, свое маленькое ей ближе общего большого. Здешнее общест-

во, наученное тяжелыми историческими поражениями, консервативно в своих замкнутости и недоверии к внешнему, большому миру. Иностранцу с чехами — если он знает язык и имеет на то намерения — легко приятельствовать, приятно соседствовать, несложно договориться, взаимовыгодно сотрудничать, но сложно подружиться. В этой стране ощущаешь себя комфортно, если понимание комфорта предполагает наличие тонкой прозрачной перегородки с чешским миром: всё видишь, всё слышишь, всё понимаешь и всё чувствуешь, но остаешься чужаком, близко к себе тебя не допускают.

В то же время чешский народ время от времени демонстрирует достойные удивления и подражания примеры гуманитарной щедрости и гражданского достоинства: добровольная кампания сбора средств в поддержку пострадавших от наводнения и цунами где-нибудь в Индонезии может собрать здесь десятки и сотни миллионов крон, а уличный протест против какого-нибудь очевидно неразумного решения власти — десятки и сотни тысяч мирных демонстрантов, Ян Гус наверняка бы поразовался. Замкнутые в тесноватых сухопутных границах территории площадью чуть больше Калмыкии, чехи обожают дальние странствия; Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка, в послевоенные десятилетия совершавшие на автомобиле *Tatra 87* знаменитые путешествия “по пяти континентам”, наметили для нескольких поколений своих соотечественников интересные маршруты — по которым, впрочем, стало возможным проследовать, только когда чехословацкий коммунизм наконец закончился и тот самый небезопасный большой мир стал доступен для любого, кто пожелает его увидеть. Так вот происходит столкновение “большой” и “малой” чешской истории, универсальной каменной иллюстрацией которой предстает прекрасный замок на скалистом утесе над Влтавой.

Будничная жизнь Пражского Града начинается рано и заканчивается поздно, для сторонних посетителей крепость открывается в шесть часов утра и закрывается к полуночи. Еще в начале столетия здесь все было не так зарегулировано, как теперь: напор международного туризма и угрозы международного терроризма заставили городские власти установить у ворот Града рамки металлодетекторов и турникеты у входа на Золотую улочку, раньше-то к домику номер 22, в котором Франц Кафка сочинял рассказы для сборника *Der Dorfschullehrer* (“Деревенский учитель”), пускали бесплатно. Главное свое очарование, впрочем, Град не потерял: с этой крепостью по-прежнему можно запросто остаться наедине, рано утром или поздно вечером по ее улицам, надворьям, закоулкам и маленькой площади можно бродить почти в полном одиночестве — так, чтобы не маячила перед глазами по-

лиция и не раздражала гогочущая разноязыкая толпа. Осмотрительным посетителям вроде нас с вами Пражский Град предлагает две особых смотровых точки для поклонения и восхищения: лавочки неподалеку от входа в крепостной архив в Третьем надворье, позволяющие изучать собор Святого Вита, скажем так, в полный профиль; а также панорама того же храма, наоборот, анфас — из соединяющего Второе и Третье надворья широкого арочного коридора. Вот тут-то по-настоящему и захватывает дух.

Беликий и ужасный западный фасад, залитый в темное время суток пронзительным светом прожекторов, отделен от выхода из арки едва ли 20-метровым пространством, так что к собору ты оказываешься вплотную. Фасад наваливается на тебя всей своей громадой, ей не вместиться в объектив самого широкоугольного фотоаппарата; чтобы разглядеть шпили храмовых башен, приходится придерживать на затылке кепку. Строительство главного пражского собора продолжалось почти шесть веков; его парадную стену возводили в последнюю очередь, по проекту главного здешнего знатока псевдоготики Йозефа Мокера, и завершили в 1929 году, к тысячелетнему юбилею убийства святого Вацлава.

Вряд ли вот так, лицом к лицу, вам прежде доводилось разглядывать нечто столь же внушительное — резное, узорчатое, каменно-воздушное. Роскошная центральная розетка диаметром больше колеса БелАЗа с цветной мозаикой на темы сотворения мира (стеклышки, правда, не различить ни снаружи, ни изнутри); долгая шеренга скульптур праведников и святых; каменные картины о распятии Христа, о Его положении во гроб, а также о Его воскресении и вознесении. Сложные рельефы на восьми массивных дверных створках — с хронологией воздвижения храма, а также с жизненными и смертными путями святых В. и В. Есть даже бронзовая сценка на тему о том, как святой Вацлав разливает местное вино и выпекает евхаристический хлеб, о других подвигах я и не упоминаю. Это прекрасная, в высшем смысле поучительная стена, и вот как раз для того, чтобы после увиденного прийти в себя, и предназначены лавочки у архива Пражского Града, усевшись на одну из которых, можно спокойно перекурить и полюбоваться архитектурным совершенством.

Такой подробный рассказ я затеял вот к чему. Почти за четверть века жизни в Праге я десятки раз бывал в Граде, но ни разу — до того как принялся писать эту книгу — не нашел времени, чтобы как следует рассмотреть западный фасад собора Святых Вита, Вацлава и Войтеха, а потому и не был способен отличить каменную фигуру архиепископа Арношта из Пардубиц от статуи короля Карла IV Люксембургского. Зато теперь я уж их ни за что не перепутаю.

Прикладной смысл таких обширных, как Пражский Град, народно-хозяйственных объектов, конечно, заключается не в том, что они позволяют собирать с туристов солидную дань в городской бюджет. Ну, по крайней мере, не только в этом. Пражский Град представляет собой учебник чешской истории и энциклопедический путеводитель по чешской государственности, он накопил многие тонны материальных свидетельств того, с какой скоростью, в каком направлении и с каким успехом протекало чешское время. От крещенного самим монахом Мефодием князя Борживоя I, который, как принято считать, в 880-е годы повелел возвести на Градчанском холме первую в городе каменную церковь Святой Марии (фрагменты ее фундамента видны через толстое стекло в том самом переходе по пути к Святому Виту), до президента Вацлава Гавела, который в 1996 году, уже на моей пражской памяти, распорядился украсить вершущку обелиска Памяти павших в Первой мировой войне позолоченной пирамидкой, а еще через пять лет приказал построить новую оранжерею на руинах старой, барочной. Сошлюсь на авторитет Виктора Гюго: в романе “Собор Парижской Богоматери” он импровизирует на тему о том, что архитектура — это литература Средних веков, поры неграмотности, когда знания сообщались и передавались не столько буквой и строкой, сколько картинами из камня.

Град обозначает самое начало чешского летоисчисления, чешские “ноль часов ноль минут”. Город в городе, вещь в себе, неправильный четырехугольник со сторонами 570 на 128 метров, Пражский Град — ни в коем случае не собрание мертвых памятников, но коллекция переживших все на свете исторических воспоминаний. Каждый король Чехии, каждый император Священной Римской империи¹, любой президент и даже некоторые герцоги — все те, кто на протяжении веков избирал Град своей резиденцией, — старались здесь хоть что-нибудь, да построить

1. Священная Римская империя германской нации — государственное образование, существовавшее с 962 по 1806 гг. и объединявшее территории Центральной Европы, в основном населенные немцами. Помимо германских земель поначалу в состав империи входили также обширные территории Юго-Восточной Франции и Северной Италии, а также — до самого конца империи — нынешняя Чехия. Процессы становления единого государства в империи не были завершены, она оставалась децентрализованным образованием со сложной феодальной иерархической структурой, объединявшим несколько сотен национально-территориальных единиц. Священная Римская империя представляла собой попытку продолжить традицию Древнего Рима и создать универсальное государство. Два императора, Карл IV (1355–1378) и Рудольф II (1576–1612), избрали Прагу своей столицей. Правление обоих стало важными периодами чешской истории.

(если не дворец, то хоть конюшню), хоть нечто, да привнести сюда (пусть не денежное пожертвование, так тонкий художественный вкус). Четыре надворья, три улицы, одна площадь, три собора, две часовни, один монастырь, пять дворцов, шесть башен, дюжина или две скульптур, полтора километра крепостных и замковых стен, шесть фонтанов и все остальное, как подтвердит любой специалист, составляют соединенный цементом веков архитектурный комплекс. Но целостность и компактность ему придает не общность художественных стилей (их-то как раз не сосчитать), но единство политической цели, которая неизменно звала в будущее и хозяев Пражского Града, и тех, кто им подчинялся и волей-неволей выполнял их барские прихоти.

Именно понимание этой цели заставило, скажем, молодого короля Карла IV в 1350-е годы нанять фламандского каменотеса Матьё из Арраса и скульптора-немца Петра Парлержа для строительства собора Святого Вита, а пожилого президента Томаша Масарика побудило в 1920-е годы пригласить для капитальной реконструкции всего замкового хозяйства словенского архитектора Йоже Плечника. Бронзовый Масарик теперь любит Градом чуть со стороны, памятник чешскому отцу-президенту установлен у Салмовского дворца на Градчанской площади. Логично предположить: ТГМ доволен тем, что из основанной им страны получилось.

Граница на замке

Хеб – Cheb

Не то опасно, в чем избыток сил,
Опасно только пошлое и вечно
Вчерашнее, что неизменно было
И возвращается всегда, что завтра
Годиться будет, ибо годно ныне!

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР
*Смерть Валленштейна*¹

Некоторые (скорее, даже многие) “иностранцы пражане” считают: Хеб, как и десятки других провинциальных городов и городков Чехии – гиблое, лишённое любой привлекательности место; попросту говоря, дыра. Высокомерие тех, кто явился в Европу в поисках новой жизни, не отрефлексировав

1. Здесь и далее в этой главе – перевод Каролины Павловой.

как следует старую, не имеет географического, а иногда даже смыслового предела: так один мой знакомый, выходец со Среднего Поволжья, при всяком удобном случае подвергал агрессивной критике Рим, поскольку в столице Италии якобы “совершенно нечего делать”.

Хеб — конечно, не Рим, но составить апологию Хебу совсем нетрудно, хотя бы потому, что это город-форпост. Через три или пять километров от Хеба, самого западного в мире райцентра славянского мира, бесповоротно и очень основательно, словно бы навсегда, начинается Германия. Это кажется забавным: местные электрички, совершающие остановки едва ли не у каждого телеграфного столба — баварского подчинения и баварского же комфорта, они тянут нас вместе с другими пассажирами по железнодорожному полотну, словно по маршруту из настоящего в будущее. В предлинных вагонах этих электропоездов волшебным образом сбывается обещание, которым заманивают в чешскую глухомань туристов из Брна и Оломоуца: “Хотите увидеть Германию, не выезжая из Чехии — отправляйтесь в Хеб!”.

Конечно, при старом режиме власти не жаловали такую национальную размытость, ведь достоинством коммунистов считалась всемерная бдительность. Главным символом здешних краев в эпоху ЧССР была скульптура пограничника, стоявшего на страже социалистических завоеваний. Теперь этот хебский каменный караульный, позеленевший от времени и отчаяния, оказался никому не нужным, он отправлен в лапидариум под открытым небом, где по голенища сапог зарос сорной травой. А прежде его фронтир считался суперважным для всего социалистического содружества, здесь оканчивались даже приличные автодороги: Организация Варшавского договора и таким способом тоже готовилась предотвращать танковый удар НАТО. Весной 1948 года, вскоре после того, как из Чехословакии принудительно выселили два с половиной или три миллиона ее граждан немецкой национальности, министр внутренних дел начинавшей движение в сталинизм республики Вацлав Носек провозглашал: “Наше пограничье является составной частью неделимого могучего массива славянских государств, который простирается от Хеба до Владивостока”. О да! Если по воздуху, то это дистанция в 8110 километров, 116 часов непрерывного голубиноного полета! Ну и кто, скажите, сможет учинить хоть что-то против нас, братьев-славян?

Бесстрастная наука, впрочем, зафиксировала: первый живший на территории теперешней Чешской Республики исторический персонаж, имя которого зафиксировали летописи — вождь германского племени маркоманов Маробод, известный своим умелым взаимодействием с Римской империей ровно в

те годы, когда Иисус Христос был босоногим мальчишкой. Союз маркоманских племен под командованием Маробода вытеснил с территории, получившей от античных хроникеров наименование *Boiohaemum* или *Bohemia*, кельтских поселенцев — бойев, которые, кроме латинского имени страны, оставили Чехии после себя еще кое-какие следы. От подъезда нашего жижковского дома до самого большого в стране кельтского оппиды (города-крепости) с прекрасным именем *Závist*, что в переводе может означать просто “зависть”, — пара часов неспешной велосипедной прогулки, и иногда по выходным мы устраиваем туда спортивно-познавательные вылазки.

Из Бржежанской долины к раскопкам древних развалин приходится карабкаться по крутому лесистому склону холма Градиште. Вот взберешься — и выясняется: от Зависти, выстроенной из бревен и земли задолго до начала времен, ровным счетом ничего не сохранилось, не совсем понятно поэтому, чему завидовать, хотя информационные табло на проплешине горы всё подробно и толково про кельтов растолковывают. Приходится утешаться этим скромным знанием в пивных “Конец жажде!” и “У последнего кельта”. Тем не менее исторический миф жив: в бульварной прессе нет-нет да и мелькают простодушные тексты о том, что жители Чехии на самом деле не славянского, а кельтского происхождения. Подписчики таких газет с симпатией относятся ко всяческим проявлениям старо- и новокельтской культуры, от боевых труб-карников до зеленого ирландского цвета и крепкого эля ирландских сортов, но к содержательной дискуссии, конечно, не готовы. Германцы вытеснили отсюда кельтов, и уж только потом здесь появились славяне: лента времени раскручивалась именно так, и с этим нам всем приходится смириться.

Поглядим теперь на карту: видите, как области на дальнем западе Чешской Республики — именуемые *Chebsko* и *Ašsko*, а в немецкой традиции *Egerland* и *Fogtland* — утиным носиком клюют Германию под поясицу? Хеб и Аш взяты в немецкие клещи, да и немудрено: самые западные чешские города расположены западнее Копенгагена, Вены, Берлина и только немного ближе к восходу солнца, чем, например, Венеция. Интересно, кому пришло в голову называть эту сторонку Восточной Европой, если до Амстердама и Парижа от Хеба чуть ли не втрое ближе, чем до Москвы?

Считается, что полторы тысячи лет назад древнеславянский порыв к Ла-Маншу иссяк примерно у Рудных гор, что к северо-западу от Хеба, и у нагорья Шумава, что от Хеба к юго-западу. Ученые в Праге кропотливо искали аргументы в подтверждение теории, согласно которой самые передовые чешские племена, какие-нибудь седличане, лемузы и гбане,

вышли на нынешнюю госграницу республики к середине VI века, заняв уже совершенно свободные к тому времени от присутствия мигрировавших к Дунаю или к Рейну древних германцев земли. Это помогало обосновать концепцию “почвы и крови”, важную для Европы поры образования национальных государств — впрочем, важную и сейчас, когда некоторые молодые политические нации Старого Света все еще доформируются: “Чья это прежде была земля — тому страна теперь и принадлежит по праву”.

Впрочем, в Праге признают, что было так, да не совсем так: германцы ушли, но не все; их ассимиляция, их смешение с новоселами продолжались, жернова истории неторопливо перетирали разные народы в мелкую муку. В пору Высокого Средневековья через Рудные горы и Шумаву в Чешскую котловину, по приглашению местных королей или по собственной инициативе, перевалили новые мигранты с немецких территорий, горняки, ремесленники, крестьяне, воины, монахи и все другие. Они приносили с собой передовые технологии, производственные и торговые навыки, германские знания и германскую культуру — основывали города и засеивали поля, возводили замки, дворцы и храмы Божьи, влюблялись, женились, растили детей, а потом умирали, чтобы навеки остаться в этой земле, которую освоили и потому считали своей. Они назывались *Deutschböhmern* и *Deutschmährern* — богемскими (чешскими) и моравскими немцами.

В верхнем течении Дуная есть городок Кёльхайм, и вот в нем (вернее, над ним, на холме Мехельсберг) почти два века назад возвели волею короля Баварии Людвига I величественный Зал Освобождения. Это сакральное здание, построенное во славу грядущего единения Германии и как каменный гимн общеевропейской победы над Наполеоном, подчинено масонской нумерологии, в нем все кратно шести. По внешнему обводу пантеона, который из-за его оригинальной формы в шутку сравнивают с газохранилищем, установлены 18 фигур, символизирующие германские племена, — и, представьте себе, идеологи и строители монумента вместе с франками, баварами, тюрингами поместили в почетный круг чехов и мораван (*Böhmen* и *Mähren*). И то правда, скажут многие немцы: чешские земли целых 765 лет неспроста входили в состав Священной Римской империи германской (а не какой-нибудь другой!) нации. Эта империя пусть и не была государством в полном смысле слова, но веками очерчивала пределы власти немецких и австрийских монархов, а значит, и тевтонского мира.

По этой причине тоже Адольфу Гитлеру не пришлось изобретать дополнительные доводы для аннексии так называемой

Судетской области и оккупации Чехословакии, в западной части которой нацисты учредили протекторат *Böhmen und Mähren*, интегральную часть своего Третьего рейха. На фотографиях 1938 года — черно-белых, подстать цветам того времени — торжествуют вчерашние чехословацкие граждане немецкой национальности, все они от мала до велика с воодушевлением встречают подразделения вермахта. Снимок из Аша: солдаты в фашистских касках (ну стопроцентные враги всего человеческого!) заключают в объятия трогательных карапузов, и эти славные мальчики и девочки доверчиво прижимаются к проповевшим немецким гимнастеркам. Снимок из Хеба: стайка мелкобуржуазного облика дам поднимает руки в нацистском салюте, еще одна фрау, вчерашняя пани, утирает слезы радости. 3 октября фюрер прибыл в новообретенные немецкие города — правда, к разочарованию бургомистра и общественности, задержался всего на пару часов.

Deutschböhmen приветствовали в Гитлере освободителя и объединителя, потому что считали: вот и в их края наконец-то пришла долгожданная “немецкая осень” после двадцатилетней “славянской зимы”. Ведь в 1918-м, когда развалилась Австро-Венгрия, богемские и моравские немцы попытались было отгородиться от чехов и словаков, да не вышло; в межвоенной Чехословацкой Республике немцам не удалось добиться даже ограниченной автономии. Славяне, в монархии Габсбургов протестовавшие против национального неравенства и германской доминации, придя к власти, расплатились с немецкоязычными согражданами монетой той же чеканки; а потом здесь с невозможной легкостью победил Гитлер. Лет двести назад пражский немецкоязычный математик и политический философ Бернард Больцано (ученый, кстати, итальянского происхождения) выдвигал проект “богемизма”, основанный на земском патриотизме немцев и чехов, — с перспективой формирования единой политической нации по типу швейцарской или бельгийской. Предложения Больцано не привлекли особого внимания в силу кажущегося прекраснодушия, а потом их похоронил революционный национализм 1848 года¹.

1. События 1848–1849 гг. вошли в историю Европы под общим названием “весна народов”. Это совокупность охвативших несколько стран революционных движений, ставивших своими задачами, как правило, провозглашение национальных государств и общую демократизацию общественной жизни. В Праге вооруженные выступления под лозунгом чешской автономии в рамках Австрийской империи вспыхнули в июне 1848 г. и были подавлены войсками фельдмаршала Альфреда цу Виндишгреца, жена которого стала случайной жертвой столкновений.

В Хебе все пошло, как везде в Рейхе: уже через месяц с небольшим после визита фюрера, в “хрустальную” ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, в городе сожгли синагогу и разорили еврейское кладбище. Нацисты овладели не только землями *Egerland* и *Fogtland*, но и небом над ними. 13 августа 1939 года на местном аэродроме (первом на чешской территории, еще австро-венгерской постройки) к восторгу 120-тысячной толпы приземлился дирижабль D-LZ 130 “Граф Цеппелин II”, последний из построенных в Германии гигантских управляемых аэростатов. Каркас цеппелина был не свинцовым, а дюралюминиевым; главные шпангоуты имели форму зб-угольника (кратно шести). Пропагандистское мероприятие имело шумный успех, поглядеть на серебристую сигару в 240 метров длиной съехались и пражане, и берлинцы, но вскоре D-LZ 130, как и другие дирижабли, разобрали – легкий металл требовался для строительства истребителей.

Страна готовилась к большой войне, протекторат Богемия и Моравия нацисты планировали германизировать: “хороших” чехов переделать обратно в немцев, а “плохих” выселить в Сибирь или уничтожить. Немцы воспринимали чехов как “славянизированных германцев”, которым суждено было принять имперскую идею или умереть. Поэтому жителям протектората, заявлявшим о германском происхождении своих предков, позволяли называться немцами и претендовать на немецкое гражданство. Из тех же соображений нацисты не запрещали чешско-немецкие браки. Гитлер полагал, что в будущем Германия не будет для Чехии заграницей. Йозеф Геббельс на встрече с журналистами в Праге заявлял, что чехи очень быстро научатся воспринимать Гамбург как свой порт, а при мысли о немецком военно-морском флоте будут испытывать гордость.

Но вот сегодняшний Хеб, город контрастов и двух, по крайней мере внешне, примиренных современной единой Европой национальных культур: на макушке холма над рекой Огрже раскопано славянское городище, говорят, что IX века, пара-тройка надгробий из желтоватого камня. Над этим холмом словно реет самое старое в бывшем Эгерланде – виртуальное – чешское знамя: мы первыми пришли, мы здесь останемся навеки! В 1165 году император Фридрих Барбаросса (такой немец-перенемец, что его именем советники фюрера закодировали операцию вторжения в СССР) велел построить поверх этого чужого кладбища пфальц – королевскую резиденцию с капеллой святых Мартина, Эрхарта и Урсулы, а также просторным по меркам Средневековья дворцом. Под натиском времени устояли две дворцовые стены с оконными пролетами романских очертаний, но без крыши и намеков на внутреннюю планировку. С вер-

хотуры Черной башни, сложенной из вулканического туфа (в окрестностях Хеба наблюдается сейсмическая активность, можно даже полюбоваться на булькающие болота), открывается типическая чешская городская пастораль: пойма тихой речки, разбитый на деньги ЕС парчок отдыха со спортядром, аттракционами и народными пивными, близкие шпили церквей, далекие шеренги типовых многоэтажек. Много красоты, немного уродства — *tak akor át*, сказали бы чехи, всего в меру.

Главный механизм нелинейного чешско-немецкого летоисчисления измеряет в Хебе не часы и минуты, а события прошлого. “Врата времени”, девятиметровой высоты створка стилизованной стальной двери, установлена у впадения проспекта Свободы в площадь Короля Йиржи из Подебрад, указывая (так поясняет автор композиции, архитектор Мариан Карел) на то обстоятельство, что именно здесь средневековый город когда-то отважно открылся индустриальной эпохе. Произошло это прямо-таки в физическом смысле: чтобы соединить тогдашнюю *Marktplatz* с построенным в 1860-е годы вокзалом, на южной оконечности площади снесли два дома, и горожане увидели волшебную перспективу новой жизни.

Металлический профиль весом в 3,5 тонны за сутки поворачивается вокруг своей оси на 180 градусов — ровно в полночь шлюз времени закрыт, зато ровно в полдень одна историческая эпоха, надо полагать, полным потоком перетекает в другую через воображаемую распахнувшуюся дверь. В металлургии такая вертикальная железяка называется слэбом (“толстая стальная заготовка прямоугольного сечения с большим отношением ширины к высоте”, в данном случае магический, снова масонский индекс 36). Мариан Карел известен в Европе экспериментами с архитектурным стеклом, которое он сочетает то с бетоном, то с камнем, то с металлом, но в Хебе этот художник работал в первую очередь не с материалом, а с пространством. Названная именем гуситского короля длинная площадь расширяется и раструбом уходит к северу под заметным уклоном, так что металлическая псевдодверь, если смотреть издали, исправляет искривление панорамы. Столетие назад роль такой визуальной доминанты играл памятник императору Иосифу II (монумент стоял у отеля *Goldener Stern*), но после провозглашения независимости Чехословакии славянские патриоты отбили Габсбургу правую руку; теперь этот бронзовый инвалид украшает променады курорта Франтишкови-Лазне. А у стальной двери рук нет, отбить ей нечего.

В мостовую — по всему проспекту Свободы, чуть ли не до самого вокзала — вмонтированы 196 металлических пластин, на трех языках перечисляющих главные события местной исто-

рии. Впервые Эгер упомянут в летописях в 1061 году и под этим своим именем просуществовал без малого девять веков, пока окончательно не стал Хебом. Закрепила перемену трагедия Второй мировой; и сто лет назад, и сейчас население города составляет около 30 тысяч человек, но только если в начале XX века почти все они были немцами, то теперь почти все они чехи.

В городском турбюро нас снабдили, помимо прочего, брошюрой о военном кладбище, устроенном десятилетие назад на восточной окраине Хеба, за нарядным терракотово-желтым вокзалом. Здесь похоронены почти 8 тысяч немецких солдат. На обложке брошюры — постановочный, по всей вероятности, снимок: мужчина в деловом костюме замер в горькой задумчивости у крестов-могил, перед одним из которых распустился на изумрудном газоне трагически-алый цветок. О чем размышляет этот немец? О своем деде или прадеде, погибшем от американской пули или от разрыва русского снаряда? О том, что его оставшихся в живых после поражения нацизма родственников чехословацкие власти запихнули в поезд и отправили в Баварию без обратных билетов? О вине всего германского народа, а не только фюрера и его активных сторонников, за военный пожар? В любом случае это невеселые размышления. В вермахт записались добровольцами или были мобилизованы полмиллиона богемских и моравских немцев. Почти 200 тысяч из них погибли, в большинстве своем на Восточном фронте. Среди судетских немцев — такие знаковые для нацистской Германии воины, как летчик-ас Отто Киттель, сбивший 94 советских штурмовика И-2, и танкист Курт Книспель, уничтоживший 168 боевых машин русского противника.

С 20 июля 1945 года каждый житель Хеба немецкой национальности обязан был носить на рукаве желтую или белую повязку с литерой *N*. Карточные нормы на продовольствие для чешских немцев устанавливались на основании тех, что были прежде определены нацистами для евреев. Немецкоязычные школы и другие учебные заведения закрыли; немецкий язык вывели из административного оборота. Немцам запретили пользоваться общественным транспортом, посещать публичные мероприятия и прилюдно разговаривать по-немецки, иметь радиоприемники и телефоны. Хеб, как и всю страну, очистили от германского: памятники снесли, улицы и площади переименовали, вывески поменяли. Пересылочный лагерь на 4 тысячи человек, один из крупнейших в Чехословакии, разместился в промзоне, между корпусами прядильной фабрики и цехами теперь закрытого, а тогда знаменитого на пол-Европы велозавода *Eska*.

Самый первый депортационный поезд, 40 вагонов по 30 человек, покинул разбомбленный союзниками горвокзал 25 февраля 1946 года. Каждый день из Хеба или через Хеб в американскую зону оккупации отправлялись сначала по два, потом по четыре, а потом по шесть составов. Для того, чтобы вывезти из Чехословакии лишних немцев, потребовалось 1646 поездов, кто-то даже подсчитал общее число вагонов — 67748. Этот эшелон, сцепи всё воедино, растянулся бы на 500 километров, от Праги до Франкфурта. К концу года в Чехии осталось около 250 тысяч немцев, в Словакии 300 тысяч (до войны немцы составляли почти четверть населения всей страны), их более-менее равномерно рассредоточивали по городам и весям, чтобы избежать компактного проживания опасного нацменьшинства. Сейчас чешские паспорта имеют около 25 тысяч граждан немецкой национальности; в Словакии немцев едва ли наберется пара тысяч.

Решение о “переводе в Германию немецкого населения, которое остается в Польше, Чехословакии и Венгрии”, обсуждалось ключевыми участниками антигитлеровской коалиции несколько лет и окончательно зафиксировано летом 1945 года в решениях международной конференции в Потсдаме: “Эти мероприятия должны осуществляться организовано и гуманно”. Президент Чехословацкой Республики Эдвард Бенеш подписал шесть декретов, главным содержанием которых стало лишение немцев гражданства и конфискация их собственности (речь шла о сумме примерно в 260 миллиардов евро в сегодняшних ценах). Вот цитаты из двух выступлений Бенеша в мае и октябре 1944 года: “Мы не хотим мести и не будем мстить... Но в каждом конкретном случае мы рассчитаемся за все то, что с нами сотворил немецкий фашизм”; “Немецкий народ провинился, как ни один другой народ в мире, немецкий народ заслужил наказание, и немецкие народ и государство будут наказаны”.

В отношении немцев, которым позволили не покидать родину (антифашисты и борцы сопротивления, лица из смешанных семей, ценные специалисты — многие из них потом все равно добровольно-вынужденно уехали), проводилась политика славянизации. Поскольку новая республика планировалась как национальная страна, от оставшихся немцев требовалось “воспитание детей в демократическом духе чехословацкой государственности” и “постепенное соединение” их потомков с чехословацким народом до достижения “политического и культурного единства”. Вместо изгнанных в опустевших городах появлялись новоселы, преимущественно небогатый, рассчитывавший на перемены к лучшему простой люд; в Хеб, например, приехали сотни семей из Тabora, чехи из Австрии и советской Украины, словацкие цыгане. Они получали освобожденные прежними хозяева-

ми квартиры и дома, занимали рабочие места на заводах и в мастерских, осваивали сады и земельные наделы, предоставленные “своей” властью. Западночешские земли (административно — Карловарский край) до сих пор остаются самыми малонаселенными в Чехии, 92 человека на квадратный километр, в полтора раза ниже среднего показателя. И у этого обстоятельства есть свое историческое объяснение.

28 октября 1946-го в центре Праги состоялся митинг, приуроченный к очередной годовщине создания Чехословакии; последний поезд с немцами в советскую зону оккупации отправился днем раньше, последний поезд в американскую зону как раз разводил пары. Президент, выступая перед гражданами, подвел итог: “Немезида настигла разрушителей нашей республики. Без недоброжелательности и ненависти, но также и без сожаления, лишь с ощущением торжества справедливости, мы следили за отъездом немцев”. Премьер-министр Клемент Готвальд, будущий коммунистический диктатор Чехословакии, провозгласил: “Выезд немцев означает завершение процесса нашего национального освобождения, многовековой борьбы нашего народа против чуждого враждебного элемента, проникшего на нашу чешскую землю извне”.

В Хебе, насколько известно, при выселении немцев обошлось без получивших широкую огласку случаев массового насилия и убийств. Однако вообще в конце весны и летом 1945 года, пока процесс не взяли под контроль органы власти, депортации сопровождалась жестокими самосудами и погромами. Трагически известен “марш смерти” из Брна: из этого города пешком отконвоировали в Австрию около 20 тысяч немцев, в том числе стариков и детей; в пути от голода и лишений погибли до 1700 человек. В городке Постолоптры на севере Чехии отряды революционной гвардии расстреляли 800 или тысячу немцев, включая несовершеннолетних. В мае 1946 года чехословацкий парламент принял закон номер 115, освобождавший граждан от ответственности “за действия, явившиеся выражением справедливого чувства возмездия оккупантам или их подручным”. В тексте этого документа всего три коротких параграфа. Ян Рыхлик в книге “История чешских земель. От прошлого к современности” приводит такие данные: в результате депортаций, особенно в первые послевоенные месяцы, были убиты, умерли в лагерях или покончили с собой около 18 тысяч немцев¹.

1. Американский историк Тимоти Снайдер в своей шумевшей работе “Кровавые земли” приводит другие данные: 30 тысяч убитых и 5558 совершивших самоубийство.

Парадоксально, но в годы Второй мировой на разных фронтах войны и в подполье погибло примерно такое же количество чехов, сражавшихся за освобождение своей страны от фашизма, 18 тысяч человек. Принято считать, что исторические проблемы не решаются методом “око за око”, хотя на самом деле в результате военных конфликтов эти проблемы именно так и решаются. Изгнание немцев сопровождалось в чешском обществе активной дискуссией, участники которой, как правило, искали и находили оправдания и основания для коллективного наказания целого народа, порой словно соревнуясь в подборе аргументов поубедительнее. Главной движущей силой столь яростного гнева, бесспорно, стали перенесенные чехами за время нацистской оккупации страдания и унижения; на эти чувства наложились память о вековых противоречиях с немцами, разрешение которых весной 1945-го, как оказалось, не допускало компромиссов.

Некоторые фрагменты неприятной дискуссии цитирует в вышедшем в 1991 году исследовании “Депортация немцев из Чехословакии” историк Томаш Станек. Вот что писал в октябре 1945 года обозреватель журнала *Masarikův lid*: “Чешский вопрос — вопрос антинемецкий. Он означает последовательно отрицательное отношение к Германии. Это не месть, способная лишь ненадолго смирить огорчение и гнев, но справедливость, происходящая из высокоморального взгляда на человеческую суть. Ни одно из будущих поколений уже не получит столь реальной возможности для обеспечения условий, при которых Чехия стала бы для чехов настоящим домом, а чешское пространство принадлежало бы только чехам”. Редактор газеты *Svobodné slovo*, бывший узник нацистского концлагеря Иван Гербен оценивал ситуацию так: “Нет разницы между немецкостью и нацизмом... Не бывает хороших немцев, бывают только плохие и очень плохие... Чешский отец, который не воспитывает своего ребенка в ненависти к немецким лжекультуре и отсутствию гуманизма — не только плохой патриот, но и плохой отец. Столь же плохой, как отец, который не научил своего ребенка ненавидеть зло и ложь”. Заслуженный антифашист Карл Крейбих (его не депортировали, а отправили послом Чехословакии в сталинскую Москву) считал, что немцам в любом случае не избежать коллективной ответственности: “Не вызывает сомнений, что будут наказаны невинные, но чем провинились миллионы тех, кто был убит немцами? Немцы не отдают себе отчета вот в чем: с ними может случиться хотя бы десятая часть того, что они сами причинили другим”. Племянница писателя Карела Чапека Гелена Кожелухова, героиня пражского подполья, видела только один выход: “Немцы надоели нам до смерти,

мы хотим избавиться от них окончательно и любой ценой... Те, кто не попали в шестеренки немецкой машины и стояли поодаль, никогда не поймут, почему у нас есть неоспоримые причины не считать немцев за людей... Наперекор любой гуманности и во имя гуманизма немцы должны отсюда убраться”. С некоторым сарказмом (как говорят, вообще ему присущим) высказался по актуальной теме министр иностранных дел Чехословакии, сын основателя славянской республики Ян Масарик: “Столетиями мы пытались жить с немцами под одним зонтом, но всегда сильно промокали. Хватит уже!”

Когда читаешь такое, становится не по себе: массовые репрессии, изгнания, ограбления практикуются “во имя гуманности”, как следствие “высокоморального взгляда на человеческую суть”; “чешское пространство принадлежит только чехам”. Все это недалеко от фашизма, вполне расистский лексикон. С другой стороны, объективистски замечают историки, нужно учитывать психологическую обстановку 1940-х годов: тогда сложно было представить себе мирное сосуществование чехов и немцев. Как сложилась бы судьба немецкого меньшинства, не случись депортации? Не оказалось ли бы оно жертвой еще более жестоких репрессий после прихода к власти коммунистов? Изгнание немцев из Чехословакии представляет собой эпизод масштабного исторического процесса, эпизод страданий Европы, “зажатой между Гитлером и Сталиным” (Тимоти Снайдер). Однако от этого пусть маленький эпизод не становится менее черным.

После “бархатной революции” тема депортации в Чехии — никакое не табу, однако, по понятным причинам, относятся к ней с меньшим энтузиазмом, чем к юбилеям государственности, годовщинам начала сопротивления немецкой оккупации или вторжения в 1968 году в ЧССР армий стран Организации Варшавского договора. Журналисты время от времени публикуют заметки, ученые иногда проводят конференции, на киноэкраны нет-нет да и выйдет очередной фильм-драма. По части морали точки над “i” расставлены, тот же Ян Рыхлик, например, прямо пишет: “У чешского народа нет никаких оснований гордиться этой главой своей истории”. Томаш Станек признает: “Отношение к немцам в первый послевоенный период было чрезвычайно жестким, иногда совершенно нечеловеческим”. Но вот какая штука: в небольшом и теперь Хебе — десятки исторических объектов, не один же только стальной рельс на площади! В городе сохранились даже монументы Владимиру Ленину и Юлиусу Фучику, поставленные на вечные якоря подальше от общественного внимания, на задворках францисканского монастыря. Но внятного памятного знака немцам — жертвам депортации в Хебе так и не появилось.

В 1996 году власти ФРГ и Чешской Республики еще раз вернулись к “судетскому вопросу”, чтобы навсегда закрыть его. Подтвердили: итоги войны не подлежат пересмотру, на правительственном уровне требования пострадавших и их потомков о реабилитации или компенсации потерянной собственности поддерживаться не будут. Стороны выразили сожаление в связи с тем, что так неловко получилось, принесли взаимные извинения безвинно пострадавшим. Поэтому немецкому мужчине в деловом костюме больше и негде вырастить трагический алый цветок — только на кладбище, на углу Карловарской и Нижнетагильской. Есть в Хебе и такая улица, в социалистическое время этому городу было велено побрататься с советской танковой столицей.

Большинство депортированных из Хеба немцев осели в баварской коммуне Амберг. О побратимских связях в данном случае речи не идет, но потомки изгнанных иногда приезжают поглядеть на родину своих предков. Останавливаются, к примеру, в обветшавшей с императорских времен гостинице *Goldener Stern* (теперь *Hvezda*), а если кому-то там не нравится, то в отеле *Barbarossa*, по другую сторону от площади. Сентябрьским вечером мы попытались там поужинать, но в ресторане не нашлось ни одного свободного стола, и отовсюду лилась немецкая речь.

Мир XX века, в котором все мы еще недавно жили, сегодня кажется чудовищно несправедливым. Однако и после Освенцима поэты нашли в себе силы заниматься стихосложением, что бы ни думал по этому поводу Теодор Адорно. Послевоенную депортацию 14 или 15 миллионов немцев “в интересах европейского будущего” благословили руководители великих держав, в 1938 году, также из соображений политической целесообразности, допустившие аннексию Судетской области нацистами. Иосиф Сталин гноил в ГУЛАГе миллионы сограждан, маршал британских ВВС Артур Харрис разрабатывал стратегию ковровых бомбардировок германских городов, от воплощения которой в жизнь погибли 300 или 600 тысяч мирных жителей, американские атомные авиазаряды “Толстяк” и “Малыш” погубили в Хиросиме и Нагасаки 129 или 226 тысяч невинных душ, точно никто не считал. Тяжела ли на этом эпическом фоне вина чехословаков? Кажется, один только папа римский Пий XII выступал против признания за немцами коллективной вины, за что в странах — победительницах нацизма его обзывали мягкотелым проповедником и прихвостнем Гитлера. В 1949 году этот папа предал анафеме лидеров коммунистической Чехословакии, и оттого, наверное, все они потом сгорели в аду.

Вот об этих сложных материях мы и беседовали, прогуливаясь по улицам Хеба — города, в котором три четверти столетия назад надежно установилось чешское, а не немецкое время. Именно это время с мелодичным звоном отбивают куранты на башне Новой ратуши, возведенной когда-то элегантным итальянцем Джованни Аллипранди. Никогда не спешат и ни на минуту не отставали стрелки часов на фасаде железнодорожного вокзала, спроектированного (вместо того вокзала, что убит на войне) в 1960-е годы Йозефом Дандой. Этот транспортный архитектор прославился тем, что за полвека карьеры выстроил в Чехословакии десятки станционных зданий. Перед ним и поставили задачу государственной важности — достойно, по-современному, оформить западные ворота страны. Данда не подкачал: вокзал города Хеб, легкого абриса сооружение, и теперь приглашает совершить путешествия, обещающие восхитительные неожиданности. Когда в 1946 году немцы — каждому разрешалось брать с собой по 30 килограммов багажа и продукты на неделю — навсегда покидали родину, они наверняка не надеялись ни на какие приятные открытия.

Эгер при всех политических режимах и во все эпохи оставался сугубо провинциальным, но неизменно важным пограничным городом, для которого каждый визит любой знаменитости представлял особую значимость. Власть чешских королей сменялась в этих краях правлением германских императоров и немецких курфюрстов, потом наоборот, и снова наоборот, пока верх наконец и надолго не взяли Габсбурги, которых уж только после свалили чехи. Кто-то из коронованных и влиятельных заглядывал в Эгер на неделю-другую, кто-то на пару дней, но многие такие поездки, пусть и мимолетные, оставили по себе в городе память, они по-серьезному увековечены: тимпаном на фасаде особняка, мемориальной доской, пышным картушем, почетной записью в летописи. Правда, эгерские торговцы, ремесленники, мастеровые обходились без дальних странствий, продолжая делать свое дело — и наносить зарубки на каменное лицо города. Милой заботой о собственных подробностях Хеб привлекателен и теперь, мелочей здесь хватит не на один день внимательных экскурсий.

Старую традицию поддержали актуальные художники из *Galerie 4*, населившие десятки ниш в экстерьерах домов городского центра смешными, поучительными, трогательными изваяниями человечков, животных, непонятных существ и разных явлений: “Поющий мясник”, “Мечтатель”, “Третий глаз”, “Мадонна”, “Доброе утро”. Скульптор Мирослав Жачок поместил свою бронзовую фигурку — “Девочка с плюшевой игруш-

кой” — в нишу дома номер 3 по улице Ятечни, по соседству с отелем *Barbarossa*. “Моя девочка жила в этом подъезде или в этом городе, но ее заставили уехать восвояси: немцы, потому что она была еврейкой, или чехи, потому что она была немкой”, — говорит Жачок. Когда направляешься к ресторану *Barbarossa*, на беспомощное выражение лица бронзовой малютки с мишкой в руках не обращаешь внимания.

Хеб, конечно, существует не в одном только послевоенном измерении, ведь трагедия *Deutschböhmern* случилась совсем не на пустом месте, ей много чего предшествовало. Главный здешний *genius loci* — человек, не принеший городу ничего хорошего, кроме собственной смерти, но он, немец и чех одновременно, во многих отношениях монументальная историческая фигура, превосходящая масштаб любую нишу над входными дверями. Генералиссимус Альбрехт фон Валленштейн (в чешской протестантской традиции Вальдштейн), герцог Фридландский¹, в 1634 году скрывался на западной окраине Богемии от немилости императора Фердинанда II Габсбурга, с которым был связан сложными отношениями влиятельного военачальника, недовольного своим положением при дворе.

Этому дворянину, менявшему веру и политические пристрастия, баснословно разбогатевшему в годы Тридцатилетней войны благодаря полководческим талантам и выигранным битвам, грабежам покоренных городов и поборам беззащитных крестьян, расчетливым матримониальным союзам и умелым операциям с собственностью, было под силу на свои средства снарядить и на выгодных условиях поставить на службу Священной Римской империи 50-тысячное войско. Своего рода частная военная компания Валленштейна (историки считают его, помимо прочего, талантливым организатором армейской экономики) действовала сначала в интересах своего главнокомандующего, и уж только потом защищала Австрию и ее монарха. Как следствие, Валленштейн, известный высокомерием и надменностью примерно в той же мере, в какой его прославили неустрашимостью и умения командира, попадал то в фавор к императору, то под подозрения в измене и подготовке мятежа.

1. Герцогство (первоначально княжество) Фридландское провозглашено Альбрехтом фон Валленштейном в 1624 г. после дарования ему титула имперского герцога. К тому времени фон Валленштейн владел обширными землями в Северной Богемии, в том числе городом Фридлант. Герцогство, столица которого располагалась в Йичине, было фактически независимым. После смерти Валленштейна его владения были переданы графу Маттиасу Галласу, а их суверенный статус аннулирован.

Искушенный царедворец, он сам в итоге стал жертвой заговора: февральской ночью в доме эгерского бургомистра Вольфа Адама Пахгельбеля офицеры драгунского полка, подкупленные людьми из окружения Фердинанда, безжалостно закололи 50-летнего герцога и несколько его верных лейтенантов. Молва приписывает роковой удар алебардой ирландскому наемнику Уолтеру Деверу: этот храбрый капитан, как гласит легенда, приколот к стене поднявшегося с кровати в ночной рубашке, чтобы приветствовать смерть стоя, генералиссимуса. Не та, но такая же, кровавым саваном, рубашка теперь подвешена под музейным потолком рядом с алебардой и скрипучего вида кроватью. Это настоящая *lit de parade* в обоих значениях: в дворянском — “парадное ложе” с высоким балдахином тяжелой ткани, с роскошными занавесями в обрамлении шнуров с золотыми кистями; и в символически-трагическом — “катафалк”. Западногерманское кино 1978 года о Валленштейне, впрочем, утверждает, что злоумышленникам кровать не понадобилась: они завернули хладное тело своей жертвы в ковер и выволокли во внутренний двор, да так, что голова несчастного пересчитала ступени всех лестниц. Путеводитель обещает засохшие пятна крови на месте преступления, но их не видно: узорчатый паркет натерт до блеска, стены забраны панелями темного дерева, в спальне затхло и душно; кажется, в минувшие столетия тут не проветривали.

Некоторые источники утверждают, что Валленштейн страдал от стыдной болезни, симптомами которой стали нарушения психики и необъяснимые логикой разума поступки, и если так, то алебарда капитана Деверу не только избавила герцога от страданий, но и обеспечила ему славу мученика. Это правда: погибни генералиссимус на поле боя или скончался под шепот исповедника, кончина Валленштейна не предстала бы в романтизированной версии истории столь эффектной. Легенда гласит, что герцог пытался вычислить собственную смерть, назначив в роковой вечер встречу с астрологом Джованни-Батисто Сени, но тот якобы запоздал с визитом, а позже, понятно, пропал смысл составлять гороскоп. Жизненный путь генералиссимуса многократно проследили другие таланты: Фридрих Шиллер сочинил драматический трехчастный байопик, Бедржих Сметана — симфоническую поэму, а Карл Пилоти, прославлявший германских героев мюнхенский живописец середины XIX столетия, создал полотно “Астролог Сени у тела Валленштейна”. Все эти мастера культуры извлекли из истории герцога трагический смысл, актуальный и поныне. Вот Шиллер и его строфа (говорит один из злодеев, обращаясь к будущему убийце герцога) — о главных темах и этой главы, и этой книги тоже:

Не жалуйтесь, что в действиях своих
Так стеснены вы. Где свободы много,
Там много заблуждений. Безопасен
Повиновенья только узкий путь.

[243]

ИЛ 12/2019

Граждане Эгера, сторонившиеся межконфессиональных войн, прилично натерпелись от валленштейновской армии, не раз изнурявшей их край насилием и мобилизациями. Но современному Хебу в такой степени, как Альбрехтом фон Валленштейном, больше нечем гордиться: выходец из знатной, вроде бы славянской семьи, он воплощает в себе универсальный характер государства Габсбургов, в котором, как это бывает во всех империях, лояльность монарху ставилась выше национальной принадлежности. То есть чехи тогда строили будущее независимой Чехии, даже если говорили по-немецки и ощущали себя верноподданными чужеземного императорского дома. Или этот дом только сейчас кажется чужим, а 400 лет назад чувство родины было совсем иным? Музейная экспозиция, сконцентрированная вокруг изложенной с величайшей деликатностью многовековой летописи чешско-немецких исторических обид, не случайно организована столь подробно: на обозрение выставлен и кружевной воротник Валленштейна, и его окованный железом походный сундук, и его сшитые на заказ ботфорты, даже чучело его лошади, павшей в битве со шведами под Лютценом.

Один из ресторанов неподалеку от дома бургомистра логично называется *Valdštejn*, но он теперь закрыт: то ли ремонтируется, то ли продается. Клиентура перетекла напротив, в пивную *Špalíček*, носящую имя квартала старых немецких купеческих домов. *Das Stöckl* непонятно как перевести на русский — 11 красивых древних зданий, соединенные в два блока, возвышаются на площади у фонтана со скульптурой Геркулеса, словно огромные каменные леденцы. Мужики в кнайпе сегодня не заняты геополитикой. Они сетуют в основном на то, что местный пивзавод уж четверть века как остановил производство, и это, откровенно говоря, стыдоба для города с многовековыми традициями отрасли: ведь варили здесь и темное *Prelát*, и *Valdštejn* сразу нескольких марок, а кто-то помнит, что “при немцах” наливали еще и крепкое *Egerer Urbrau*. И это означает, что жизнь в Хебе хотя и стремится к совершенству, никак его не достигнет.